

УДК 8.811.162.1'373

ДВА АСПЕКТА СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ФРАЗЕМЫ

Кржишник Эрика

Философский факультет Люблянского университета,

Любляна, Словения

В статье идёт речь о двух приемах фразеологической инновации, основанных на двух различных типах реализации семантического потенциала фраземы: т. н. «внутренней форме», базирующейся на ремотивации, и «двойном прочтении», базирующемся на буквализации фразеологического словосочетания.

Ключевые слова: фразеологическая инновация, ремотивация, буквализация, двойное прочтение, внутренняя форма фраземы.

Возможность творческого и инновационного использования фразем в текстах обусловлена наличием у них семантического потенциала. Семантический потенциал возникает потому, что фраземы как вторичные языковые знаки состоят из других смыслодержающих языковых знаков, т. е. однословных лексем.¹ Большинство фраземных «форм» поэтому существует на двух уровнях: как свободные синтагмы (СС) и пропозиции в т. н. «буквальном»² значении и как фразеологические синтагмы (ФС) или пропозиции во фразеологическом значении. При творческих инновационных операциях над фраземами развивается еще и третий уровень – это соотношение двух смыслов (буквального и фразеологического). Соотношение может быть реализовано в различной степени, главным образом, в зависимости от того, является ли фразема хотя бы частично семантически мотивированной, возможно даже – в т. н. народной этимологии – повторно мотивированной (ср. ассоциирование слова *mavra* в вариантной фраземе *pijan kot mavra* (вдрызг пьяный, букв., пьян как радуга) со значением *mavra*₁ 'черная или черно-бурая корова' во фраземе *pijan kot krava* (букв., пьян как корова), вместо этимологически соответствующего – *mavra*₂ 'радуга' [9]), или же немотивированной, не зависимо от того, была ли мотивация утрачена в ходе языкового и т. п. развития: так, напр., в современном языке не является мотивированной фразема *iti rakom*

¹ И хотя фразеологические компоненты – только формы слова, их имплицитная семантика всегда присутствует. Как известно, коренной носитель языка (*native speaker*) даже в монокококабельных компонентах ищет и находит лексическое значение, напр., компонент *kriplje* во фраземе *na vse kriplje* 'изо всех сил' связывается со словом *kripelj* 'инвалид, увечный' (по ассоциации, что инвалиду приходится сильно помучаться, чтобы что-либо сделать).

² Я осознаю нетерминологичность выражения «буквальное» значение – речь идет о словарном значении слов, которые посредством реализации композиционной функции связываются в синтагму. В отличие от фразем, в которых композиционная функция в той или иной мере отсутствует или ограничена.

žvižgat (букв., *идти ракам свистеть*) 'умереть', хотя и возможно построить омонимичную свободную синтагму, или же ее в рамках данного языка вообще не было (напр., фразеологические кальки). Только все три уровня составляют целостный семантический потенциал фразем, который как раз благодаря этому очень динамичен. В теории фразеологии в связи с этим существуют два не полностью перекрывающиеся понятия: в германистике – т. н. «двойное прочтение», в русистике – «внутренняя форма»

«**Двойное прочтение**» – один из «способов прочтения» (нем. Lesart, по Бургеру [2, s. 59–66]) фраземы, т. е. представляет два способа понимания синтагмы: как простой и как фразеологической, с точки зрения «активности пользователя языка» при создании и восприятии текстов. Пользователь/адресат при восприятии реализует один или другой семантический уровень, или же оба одновременно. В зависимости от своего состава и структуры фраземы допускают однозначное, двойное и комбинированное «прочтение». Однозначное, и при том только фразеологическое «прочтение» имеют фраземы с моноколокабельным компонентом или неграмматичной структурой,¹ а комбинированное – фраземы, которые по своему значению являются фразеологическими сочетаниями. Все остальные допускают двойное прочтение² двух типов: дизъюнктивное и синхронное. При дизъюнктивном двойном прочтении соотношение между СС и фраземой может быть омонимичным, как в сращениях с совместимыми компонентами и в сочетаниях с элементами сращения (напр., слов. *dati košarico komu* (букв., *дать корзину кому*) 'отказать кому', *rijan kot aksa* ('очень пьян'), или же связанным с семантическим переносом, метафоричным и метонимичным, как в единствах и сочетаниях с элементами единства (напр., *potesti pod preprogo kaj* (*замести под ковёр что*) 'утаить/скрыть какую-то неприятность, проблему'; *vrteti jezik* (букв. *вертеть языком*, ср. *молоть языком*) '(слишком) много говорить, говорить вздор, пустословить'; *govoriti, kot bi rožice sadil* (букв., *говорить, как будто цветочки сажать*) 'красиво, приятно говорить, витийствовать, витиевато, цветисто говорить').³ Синхронное двойное прочтение свойственно синтагмам, которые представляют собой устойчивые описания жестов и возникших на их базе фразем, в

¹ Разумеется, однозначное «прочтение» имеют также и семантически полностью мотивированные (в англоязычной литературе для их обозначения используется термин *transparent*) устойчивые синтагмы (напр., *dati soglasje* (букв., *дать согласие*) 'согласиться') при широком понимании объема фразеологии.

В настоящей статье рассматривается фразеология в узком понимании.

² С компонентом/компонентами, который/которые не мотивирован/ы, на самом деле к этой группе относятся также и фразеологические сочетания.

³ Бургер приводит также и третий тип дизъюнктивного прочтения, реализующегося в синтагмах, буквальное понимание которых крайне ограничено высокой степенью невероятности или нелогичностью обозначаемого, напр., *odpreti srce komu* (*открыть сердце кому*) 'рассказать о своих чувствах' или *biti na psu* (букв., *быть на псе*) 'находиться в крайне плачевном положении'. Эта группа является переходной как в направлении однозначного (только фразеологического) прочтения, так и в направлении других типов двойного прочтения: фразема (*kdo biti za luno* (букв., *кто быть/находиться за луной*) 'быть несведущ, наивен' с помощью технических достижений 20-го века из группы нелогичного соотношения перешла в группу омонимичного соотношения.

тексте одновременно реализуются оба значения, напр., *zmajevati z glavo* (*качать головой*) – жест 'движением головы выражать неодобрение', фразема 'выражать неодобрение, сомнение'.

«**Внутренняя форма**» фразем в русской фразеологии – устоявшийся термин. Внутренняя форма представляет собой мотивирующее значение (иногда называемое также «этимологическим значением») и «картину» синтагмы, которая является своего рода основой или, по Вотьяк, деривационной базой фраземы [10]. Несмотря на общепринятость термина, его содержание несколько варьируется в зависимости от того, как авторы понимают семантику, в общем можно выделить две основные точки зрения, которые учитывает также и «Словарь русской фразеологической терминологии» [1, статья «*Внутренняя форма*»]:

Мотивирующая образность языковой единицы, основанная на деривационных связях ее значения со значением прототипа. Внутренняя форма может быть простой или осложненной. Простую внутреннюю форму имеют ФЕ, образованные на базе переменных сочетаний (см. *плыть против течения*, *сидеть на шее у кого*); осложненную – ФЕ, образованные на базе пословиц (*стреляный воробей* ← *стреляного воробья на мякине не проведешь*) или в результате конденсаций в своей семантике содержания различных легенд, поверий, исторических фактов, художественных произведений и т. п. (*вольный казак*, *последний из могикан*).

Внутренняя форма, таким образом, в том числе включает также и целостную культурную коннотацию фраземы.

Не смотря на частичное расхождение в понимании внутренней формы, сопоставление германистского «двойного прочтения» и русистской «внутренней формы» раскрывает определенные связи. В обоих случаях подчеркивается семантический потенциал фразем, заключающийся в том, что помимо фразеологического в фраземах присутствует также и некое другое значение, которое так или иначе может активироваться в тексте. Различие двух типов понимания семантического потенциала заключается во временном разрезе и представлении о способе его присутствия: при двойном прочтении мы имеем дело с синхронным пониманием и присутствием этой двойственности в ментальном словаре автора высказывания и адресата, а при внутренней форме – с (автором и адресатом) узнаваемым или неузнаваемым соотношением, существующем синхронно и диахронно. С синхронной точки зрения внутренняя форма может присутствовать или нет, в то время как возможность двойного прочтения зависит только от совместимости компонентов фраземы: если компоненты совместимы, возможен один из видов двойного прочтения синтагмы. Говоря об использовании семантического потенциала фразем в текстах, имеется в виду исключительно синхронный аспект, поэтому имеет смысл различать свободную синтагму (СС), которая является внутренней формой фраземы, именуемой **производящая СС**, и СС, которая (по крайней мере, синхронно) таковой не является, именуемая **исходная СС**.

Два различных аспекта семантического потенциала фраземы указывают на то, что для креативной фразеологической инновации используют два различных

приема. Во-первых, это прием **ремотивации**, вызывающий актуализацию внутренней формы фраземы, т. е. значения мотивирующей производящей СС, и прием **буквализации**, означающий актуализацию омонимичных исходных СС.¹ Поиск различий между двумя приемами может быть направлен на наблюдение за изменениями в самих фразеологических единицах или на выявление различий при актуализации в конкретных текстах. Для первого потребовалось бы провести очень точные статистические анализы, которые для словенского языка не делались,² но есть данные о креативном авторском использовании фразем в словенских текстах, особенно художественных, начиная со второй половины 19-го века [6], [7], [8].³ Результаты исследований показывают, что до второй половины 20-го века использовался преимущественно прием ремотивации, особенно это характерно для художественных текстов, в то время как с конца 20-го века все чаще употребляется прием буквализации, особенно в публицистике.

О различных возможностях использования обоих видов инновационных приемов до сих пор не задумывались, хотя кажется, употребление в текстах демонстрирует некое фундаментальное различие.

Прием буквализации остается на уровне игры слов, простого взаимодействия двух между собой независимых значений, замечаемой и имеющей эффект как раз благодаря этому разрыву (как следствие неожиданности). Поэтому буквализация – это прием, чаще используемый в нехудожественных текстах, особенно в публицистике. Ср. заголовок газетного текста «*Čudež pred cekajem*» («Чудо перед зданием ЦК») (ежедневник «Delo» 23.3.1990), где прием буквализации актуализирует фразему *streljati kozle* (букв., *стрелять козлов*) 'делать большие ошибки, глупости' и сопоставляется со значением СС: *streljati* (*стрелять*) 'убивать огнестрельным оружием' + *kozel* (*козел*) 'самец козы':

«*Verjetno nihče ne ve, kako sta se koza in njen mladič znašla v parku pred stavbo cnetralnega komiteja ZK Jugoslavije*», *je začudeno napisal Tanjugov fotoreporter v podpisu k sliki, ki jo je poslal v svet.*

Že res, ampak ob gornjem se zastavlja še pomembnejše vprašanje: kako neki sta oba splotih preživela čisto blizu stavbe – kjer tako množično streljajo kozle?

¹ Их различает Вотьяк [10, с. 123], до нее на различие указывает Бургер [3, с. 27/28].

² В моем распоряжении есть лишь результаты исследований ремотивационных фразеологических инноваций в художественных текстах, на основе которых можно заключить: что этому приему чаще всего подвергаются фраземы с глагольным категориальным значением (61%), в которых изменен (формально и/или только контекстуально актуализирован) именной компонент. Формально именной компонент изменен в 63%, глагольный в 27%, прилагательное в немногим более 9%, изменение компонентов – других частей речи появляется лишь эпизодически. В русской фразеологии существуют словари авторского использования ФЕ (Мелерович, Мокшенько 1987 и 1997 – цитируется по Айсманну [5]), на основе которых преобладающие тенденции могли бы быть отражены более релевантно.

³ Учитывая современное состояние словенских фразеологических исследований, можно с уверенностью утверждать, что креативные трансформации фразеологических единиц можно найти в текстах начиная с эпохи барокко. И хотя с того времени такие трансформации появлялись во всех временных периодах, однако следует заметить, что в качестве инновационного стилистического приема реализуется в художественных текстах словенского модерна на рубеже 19-го и 20-го вв. (сецессия, импрессионизм, символизм).

«Вероятно, никто не знает, каким образом **коза и козленок** оказались в парке перед зданием центрального комитета Союза коммунистов Югославии», – с удивлением записал фоторепортер Телеграфного агентства новой Югославии в подписи к объявленной фотографии.

Это так, но при этом возникает еще более важный вопрос: как им вообще удалось выжить в непосредственной близости от здания, где массово **стреляют козлов** ('совершают большое количество ошибок')?

Еще более наглядным примером фразеологической актуализации, типичной для современных текстов, служит газетный заголовок «*Čas rani vse cele*» («*Время ранит всех здоровых*»), в котором фразеологическое единство *čas celi vse rane* (букв., *время лечит все раны* 'со временем страдания утихают, забываются') просто буквализируется, хотя возможна была бы и ремотивация. При этом эффект буквализации заключается в фонетической и звуковой игре, не имеющей в тексте основы для ремотивации.

При ремотивации используется прием деметафоризации, открывающей возможности (которые могут быть использованы или нет) для новой метафоризации – это происходит преимущественно в художественных текстах. Возьмем для примера текст Ивана Цанкара «Побратимы» [4, s. 97–99], написанный в начале 20-го века (первая публикация в 1917 году):

Mnogokdaj se primer, da se v enem trenotku odpro vsa srca (открываются все сердца) in skozi široka vrata prikipi duša v lica, v oči in na jezik, tako da so si ljudje mahoma podobni kakor brat bratu; ker bratje so si v najglobljih globočinah. (...) Časih odpahne narahlo prislonjene duri src (двери сердец) le bežen dih; prikaže se le ozka, svetla špranja, komaj za hip, toda prikaže se. (...) Pozdravili so se in koj so si tujci, ne poznajo se, ne mislijo več drug na drugega; svetla špranja je ugasnila, tiho so se zaprle duri (закрылись двери). (...)

Kadar pa buti v vrata (двери) vihar, jih odpre (открывает) siloma in sunkoma nastežaj (настежь), da zaječe in se stresejo v tečajih, takrat ni več nobenih skrivnosti; kar bi drugače molčalo navekomaj, privre kvišku brez strahu. Srca, prej zaklenjene izbe (Сердца ранее запертой на ключ комнаты), so prostrane, svetle veže, kamor stopi s ceste, kogar je volja. (...) Čegava je bila roka, ki je samolastno odpahnila vrata zaklenjenih človeških src (распахнула двери запертых человеческих сердец)? (...) Srce (сердце) hrepeni in čaka željno, da bi se smelo razodeti srcu (открыться сердцу), tako da bi se zrušili vsi jezovi in bi se do kaplje prelilo drugo v drugo (...). Kmalu so si bili podobni v lica in celo po govorici in hoji; ker srca so bila odprta (сердца была открыта) in so bila eno ter so ustvarila le eno podobo. Tudi kadar so se sporekli med seboj do hudega, so se sporekli bratje; ni je bilo moči, tudi v njih samih ne, ki bi bila mogla zaloputniti duri, odprte nastežaj (захлопнуть двери, открытые настезь). (...) Ali ura pride nekoč, ko bo odprl srca (откроет сердца) topel spomladanski veter, ko si bodo obrazi enaki v veselju, ne v bridkosti, ko se bodo ljudje pozdravljali s cvetjem ovenčani in z glorio ljubezni.

Фразема *odpreti srce komu* (открыть сердце кому) 'рассказать о своих чувствах, мыслях кому':

– вначале подверглась демегафоризации, когда в результате синтаксического преобразования компонент *srce* (сердце) занимает место субъекта *odpreti srce* (открыть сердце) → *srce se odpre* (сердце открывается), а морфологическая замена единственного числа множественным *srce* (сердце) > *srca* (сердца) становится причиной изменения значения *srce* (сердце) абстр. (неисчисляемое; символическое значение) > конкр. (исчисляемое; человеческий орган, предмет) – так устанавливается соотношение со значением производящей СС: сердце как человеческий орган является местом нахождения чувств;

– СС – отправная точка для развития текста: то, что (может быть) открыто, является помещением (*srce* (сердца) = *izba* 'комната'); в помещение ведут двери (*duri* 'двери' *srca* (сердца)), которые могут закрываться и, развивая тему далее, быть запертыми на ключ или отпертыми;

– новая метафоризация: сердце как помещение со всеми его атрибутами является местом нахождения душевных отношений между людьми, двери, ведущие в него, открывает либо «*vihar*» (вихрь), либо «*topel spomladanski veter*» (теплый весенний ветер).

На основе всего вышесказанного можно заключить: два различных взгляда на семантический потенциал фразем – это не просто два теоретических конструкта, их различие дает возможность разделять два вида креативных фразеологических инноваций, ремотивацию и буквализацию. Различие этих двух видов проявляется также и в текстах: ремотивация процессуально более сложная, по времени более старая, стилистически теснее связана с художественными текстами; буквализация – более простой прием, в текстах появляется позднее, используется преимущественно в публицистике и других видах нехудожественных текстов.

Список литературы

1. Бирих А. К., Волков С. С., Никитина Т. Г. Словарь русской фразеологической терминологии / А. К. Бирих и др. / Под ред. В. М. Мокиенко. München: Verlag Otto Sagner, 1993.
2. Burger H. Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen / H. Burger. – 2., überarbeitete Auflage. Berlin: Erich Schmidt Verlag. – 224 s.
3. Burger H. «Bildhaft, übertragen, metaphorisch ...». Zur Konfusion um die semantischen Merkmale von Phraseologismen / H. Burger. – Europhras 88. Strasbourg, 1989. – S. 17–29.
4. Cankar I. Pobratimi. / I. Cankar / Zbrano delo XXIII. Ljubljana, 1975. S. 97–99.
5. Eismann W. Zum mehrdimensionalen Spiel mit Phrasemen in den Stüchen von E. Švarc / W. Eismann. – Грани слова. Москва: Изд-во «Эллис», 2005. – с. 195–203.
6. Kržišnik E. Frazеologija v moderni. Magistrska naloga / E. Kržišnik. – Ljubljana. 195 s.
7. Kržišnik E. Prenovitve stalnih besednih zvez v Kosmačevi prozi 30. let / E. Kržišnik. // Obdobje socialnega realizma v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi. Obdobja 7. Ljubljana: Filozofska fakulteta, 1987. S. 517–532.
8. Kržišnik E. Frazеologija v kratki pripovedni prozi druge polovice 19. stoletja / E. Kržišnik // XXX. Seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Zbornik predavanj. Ljubljana: Filozofska fakulteta, 1994. S. 53–67.
9. Slovar slovenskega knjižnega jezika. I–V. Ljubljana, 1970–1991.

10. Wotjak B. Verbale Phraseologeme in System und Text / B. Wotjak. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1992.

Кржишник Еріка. Два аспекти семантичного потенціалу фраземи // Еріка Кржишник // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 87–93.

У статті йдеться про два прийоми фразеологічної інновації, що ґрунтуються на двох різних типах реалізації семантичного потенціалу фраземи: т. зв. «внутрішній формі», яка базується на ремотивації, і «подвійному прочитанні», яке базується на буквализації фразеологічного словосполучення.

Ключові слова: фразеологічна інновація, ремотивація, буквализація, подвійне прочитання, внутрішня форма фраземи.

Krzhisnick Erica. Two Aspects of Idiom's Semantic Potency / Erica Krzhishnick // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 87–93.

The article deals with two starting points of a phraseological innovation. They are based on two different types of the realization of the semantic potency of an idiom: the "inner form" on remotivation and "double reading" on literalization of a phraseological unit.

Key words: phraseological innovation/renewal, remotivation, literalization, double reading, inner form of an idiom.

Стаття надійшла до редакції 30 березня 2012 року